

Кадровое обеспечение органов управления Таврической области в 1784–1796 гг.

Александр Кравчук

Staffing Support in Taurida Oblast (1784–1796)

Alexandr Kravchuk

*(Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722040033, EDN: FZCWRY

Изучение событий, связанных с формированием и функционированием системы местного управления в Тавриде после ликвидации Крымского ханства, позволяет не только восстановить ход региональной истории, но и лучше понять политику, проводившуюся российскими властями на окраинах. Трансформация административной системы отражала эволюцию представлений правящих кругов империи о регионе и происходящих в нём процессах. Между тем пристальное внимание к Екатерине II и руководителям края – князьям Г.А. Потёмкину и П.А. Зубову сформировало у исследователей ошибочное ощущение, будто все инициативы, исходившие от высших сановников, и принятые законы получали воплощение в реальной жизни. На практике же нормативные акты и проекты нередко терялись в канцеляриях, отвечавшие за их осуществление чиновники, непосредственно взаимодействовавшие с населением, сталкивались с непреодолимыми сложностями, и в итоге задуманное так и оставалось на бумаге.

Ещё в конце XIX – начале XX в. Н.Н. Мурзакевич, Г.К. Киреенко, Ф.Ф. Лашков, Е.А. Загоровский рассмотрели историю организации местной администрации Тавриды и первые шаги по хозяйственному обустройству её территории¹. Многие сделали для освещения данной проблематики и современные учёные². Так, В.А. Кошман проанализировал её юридические аспек-

© 2022 г. А.С. Кравчук

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских учёных, проект № МК-3927.2022.2 «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв.».

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project № МК-3927.2022.2 «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiya Region and Crimea at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries».

¹ *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12. С. 249–329; *Киреенко Г.К.* Об ордерах князя Потёмкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1897. № 3. С. 1–35; *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1897. № 26. С. 89–154; *Загоровский Е.А.* Организация управления Новороссией при Потёмкине в 1774–1791 годах. Одесса, 1913.

² *Болотина Н.Ю.* Потёмкин. М., 2014. *Маленко А.Ю.* Григорий Александрович Потёмкин – генерал-губернатор Новороссии и Тавриды. Симферополь, 2018; *Болотина Н.Ю., Непомнящий А.А.* Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность

ты³, а Д.А. Прохоров не только попытался проследить практическую реализацию законодательства, регулировавшего создание и комплектование органов управления Таврической обл. (включая и таможенные учреждения), но также показал их взаимодействие с татарским населением⁴. Тем не менее собственно крымское чиновничество до сих пор остаётся почти не изученным. Во многом это обусловлено недостатком источников и их особенностями. Так, формулярные списки, которые практически незаменимы по своей информативности при анализе состава и деятельности российской бюрократии⁵, нередко заполнялись со слов самих служащих⁶. Лишь при Николае I формуляры упорядочили на основе единого делопроизводственного стандарта.

Князя Потёмкин и Зубов уделяли пристальное внимание комплектованию штатов Таврической обл., утверждённых Екатериной II 24 апреля 1784 г.⁷ Значительное число их ордеров связано именно с подбором людей и материальным обеспечением местного чиновничества. Таврическое областное правление открылось 11 июня 1784 г.⁸, однако большинство присутственных мест начали работу только зимой–весной 1787 г.⁹

Согласно штатному расписанию на обеспечение гражданских чинов жалованием и столовыми деньгами области ежегодно выделялось 99 181 руб.¹⁰ В её учреждениях создавалось 108 вакансий, в уездах и городах – 279. Число канцелярских служащих зависело от необходимости и суммы, отводившейся на канцелярские расходы. Например, Таврическому областному правлению на них выделялось 8 тыс. руб., из которых, помимо прочего, выплачивались оклады протоколистам, регистраторам, архивариусам, всем состоящим при письменных делах, переплётчикам, сторожам и другим лицам, «коим всем определение числа и жалования по трудам слагается»¹¹.

Фактически замещение вакантных должностей так и не завершилось вплоть до ликвидации Таврической обл. Из-за малочисленности жителей на неопределённое время откладывалось создание совестного суда, административных органов и судов в Днепровском и Мелитопольском уездах. Места землемеров,

светлейшего князя Г.А. Потёмкина // История Крыма в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. Т. 2. М., 2018. С. 15–21.

³ Кошман В.А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь, 2018.

⁴ Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 213–225; Прохоров Д.А. Штаты и деятельность таможенных учреждений Таврической области в конце XVIII века // История и археология Крыма. 2017. № 5. С. 341–370; Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Сборник статей. Севастополь, 2017. С. 95–108.

⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 10; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 14–18.

⁶ Наиболее полную коллекцию формулярных списков лиц, имевших классный чин и включавшихся в адрес-календари, см.: РГИА, ф. 1349. Формуляры канцелярских служащих сохранились лишь фрагментарно: Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК), ф. 799, оп. 1, д. 6, 36, 62, 294, 294а, 314, 329, 354, 426, 427, 453.

⁷ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 2–31; Болотина Н.Ю. Потёмкин. С. 251.

⁸ ГА РК, ф. 799, оп. 2, д. 1, л. 1–2.

⁹ Прохоров Д.А. Органы управления... С. 216.

¹⁰ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 9.

¹¹ Там же, л. 6 об.

докторов, врачей, подлекарей и лекарских учеников также оставались незанятыми. Сложно определить и количество тех, кто поступал на службу по выборам (они должны были присутствовать во многих местных структурах в качестве заседателей и присяжных). По областным штатам их предусматривалось не менее 104 человек, однако найти столько обывателей, знающих русский язык и способных исполнять соответствующие обязанности, оказалось невозможно. Порою одни и те же люди могли занимать несколько постов. Всё это крайне затрудняет подсчёт общего числа служащих. Притоку свежих сил заметно мешала репутация региона, воспринимавшегося в общественном сознании конца XVIII в. как «гнилое место»¹². Для русских людей Крым оставался «terra incognita», а татарское население считалось враждебно настроенным. Поэтому чиновники пытались остаться в более безопасной Новороссии. Вместе с тем, несмотря на острый дефицит людей, кн. Потёмкин неоднократно требовал найти занятие чиновникам, получавшим жалованье и «не состоящим у дел»¹³.

Обширность территорий, которыми управлял светлейший князь, и особенности его характера и положения в империи, безусловно, создавали благоприятные условия для злоупотреблений и неразберихи среди местной бюрократии. Систему регулярного учёта чиновников наладили уже после его смерти. Впервые их массовая перепись и «истребование с оных формуляров» произошли в 1792–1794 гг.¹⁴, тогда же в Таврическом областном правлении подготовили групповые формулярные списки, содержавшие сведения о большей части должностных лиц. Конечно, сохранившиеся данные не являются полными, однако встречающиеся пробелы отчасти можно устранить при помощи материалов из РГИА и адрес-календарей. Всего удалось выявить формулярные списки 154 человек, т.е. абсолютного большинства служивших в Таврической обл., включая как классных чиновников, так и канцелярских служащих и состоявших на службе по выборам. Их анализ позволяет разобраться в основных принципах и механизмах комплектования органов управления региона.

Одной из особенностей административного аппарата Таврической обл., как и всего Новороссийского края, была его многонациональность. Судя по формулярным спискам, среди местных чиновников преобладали русские (обер-офицерские дети — 15 человек, дворяне — 11, купцы — 4) и украинцы («вольнопределяющиеся малороссияне» — 14, «казацкие дети» (потомки запорожцев) — 10, дворяне — 6, «малороссийские старшинские дети» — 5, «из шляхетства малороссийского» — 2). Не представляется возможным определить национальность выходцев из «духовного звания» (11), «казённых поселян» (6) и «солдатских детей» (2). В целом доля русских среди чиновников составляла 19,5%, украинцев — 24, невыясненного (как русского, так и украинского) происхождения — 12; всего — 55,5% от общего числа местных служащих.

Среди немногочисленных переселенцев, прибывавших в Крым в рассматриваемый период, русские превосходили украинцев почти вдвое¹⁵. Иные пропорции в рядах местной бюрократии, по-видимому, объяснялись тем, что при

¹² Восприятие полуострова стало меняться уже во второй четверти XIX в. Подробнее см.: *Кравчук А. С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь, 2019. С. 67–68, 89–91.

¹³ *Киреевко Г. К.* Указ. соч. С. 7–8.

¹⁴ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 6, 294.

¹⁵ *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVII — конце XX века (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 51.

комплектовании областных органов управления кн. Потёмкин использовал чиновников из Екатеринославского наместничества, поскольку многих из них знал лично. При этом активно привлекались местные уроженцы – представители казацкой старшины, среди которых было немало грамотных людей.

Нельзя не отметить и разнообразие сословных категорий у служащих украинского происхождения. Зачастую они записывались со слов самих бюрократов, которые, идентифицируя себя, пытались как-то зафиксировать имевшиеся у них сословные привилегии. Пестрота определений свидетельствовала о том, что положение данных групп населения ещё не было законодательно закреплено и процесс их интеграции в российское общество продолжался. Характерно, что ряд представителей украинской знати числились как дворяне, те же, кто не получил данный статус, обозначали себя как «малороссийские старшинские дети» или «шляхетство малороссийское».

Значительную долю областного чиновничества (18% от общего числа) составляли крымские татары, которых Екатерина II и кн. Потёмкин также стремились привлечь к делам. 24 апреля 1784 г. императрица повелела, «чтобы не только те места, кои по учреждениям нашим наполняются выбором общества, заняты были жительствовавшими в области Таврической, но чтобы и в правлении и палатах в число советников и асессоров определены были несколько человек из них же, кои по их к нам верности и способностям того достойнее будут, да и вообще наше есть желание, чтобы сим новым нашим подданным путь к гражданской службе и к получению в оной чинов открыт был»¹⁶. Безусловно, российские власти остро нуждались в поддержке местного населения, особенно знати, и старались остановить масштабную эмиграцию крымских татар. В итоге в области служили «из мурз таврических» – 15, «рядовых обывателей» – 7, представителей купечества – 4, мещан – 2 человека. Как правило, они находились на «выборных от общества» должностях (71,4%), при этом представителям наиболее влиятельных родов, проявившим лояльность в ходе присоединения Крыма к империи, жаловались гражданские и военные чины, позволявшие занимать административные посты¹⁷.

Заметной группой также являлись греки (14,3%): 15 «рядовых обывателей» и 7 знатных особ. Греческое население (около 1,8 тыс. человек) проживало преимущественно в Керчи, Евпатории, Балаклаве и её окрестностях¹⁸. Чиновники других национальностей встречались реже (11%): пять польских шляхтичей, трое армян, по два немца и турка, а также белорусский дворянин, француз, итальянец, болгарин и серб¹⁹. В результате немалая часть служивших в области не знали ни русского языка, ни канцелярского порядка, что не могло не затруднять работу и вело к злоупотреблениям. Кроме того, почти во всех местных учреждениях возникала необходимость в переводчике, которому полагался оклад 200 руб. в год (тогда как правитель области получал 1 800 руб., председатель палаты гражданских дел – 840 руб., областной казначей – 300 руб.)²⁰.

Благодаря формулярным спискам известен возраст 140 чиновников, которых можно распределить по группам: до 20 лет – 8 человек (5,7%), 21–30 лет –

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 22. № 15988.

¹⁷ O'Neill K. Rethinking elite integration: The Crimean Murzas and the evolution of Russian nobility // Cahiers du Monde Russe. Vol. 51. 2010. № 2–3. P. 398–401.

¹⁸ Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма... С. 50.

¹⁹ Не удалось установить национальную принадлежность лишь одного человека.

²⁰ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 6–8.

48 человек (34,3%), 31–40 лет – 38 человек (27,1%), 41–50 лет – 24 человека (17,1%), 51–60 лет – 15 человек (10,7%), старше 60 лет – 7 человек (5%). Таким образом, основную массу чиновников (61,4%) составляли люди от 21 до 40 лет (средний возраст – 36,8 лет). Большинство из них не были женаты, и это осложняло их положение на малозаселённой окраине, где традиционно ощущался дефицит женщин.

В то же время в последней четверти XVIII – начале XIX в. широко практиковалось поступление на службу в 14–16 лет²¹. В основном это были дети потомственных канцелярских служителей, чьи семьи остро нуждались в жалованье, а карьера зависела от многолетней выслуги. Например, в 1803 г. в Олонецкой губ. лица младше 15 лет составляли 41,3% канцелярских служителей, ещё 25% находились в возрасте 16–20 лет²². В Таврической обл. самым юным являлся 15-летний регистратор палаты гражданского суда Т.В. Бабанасин. Кроме того, имелось семь человек 18–20 лет. Самыми возрастными были представители крымских татар и казённых поселян – 71-летние ассессор палаты казённых дел Хамит-ага и сельский заседатель совестного суда Ф. Нестеров.

Об уровне подготовки должностных лиц свидетельствовали их чины, стаж работы и образование. При этом, как и в иных частях империи, по штату области каждая должность соответствовала определённому рангу. Всего здесь служило чинов IV класса – 1 (правитель области генерал-майор С.С. Жегулин), V, VI и VII – по 5, VIII – 19, IX – 6, X – 5, XI – 1, XII – 4, XIII – 1, XIV – 18. Статскими советниками являлись поручик правителя (вице-губернатор) К.И. Габлиц и председатель палаты уголовного суда П.Я. Скорняков, а также двое крымских татар – судья совестного суда Мегмет-ага (казнадар) и советник уголовного суда Мегметша Ширинский²³. Чин V класса имел и премьер-майор симферопольский городничий С.Г. Невельский²⁴. В последующие годы число лиц в генеральских чинах среди местных администраторов постепенно увеличивалось²⁵.

Судя по формулярным спискам 1794 г., 73 чиновника (47,4% от общего числа) не служили нигде, кроме Таврической обл., причём некоторые получили первое назначение уже в 1790-е гг. По сути, они не обладали значимым административным опытом, а их компетентность оставляла желать лучшего. 42 человека перевелись из украинских губерний и наместничеств. Ещё десять чиновников ранее служили в Центральной России. Таврические чиновники редко меняли места службы, зачастую такие перемещения были связаны с административными преобразованиями или созданием новых губернских и уездных учреждений. Всего известно о 43 таких переходах, из них дважды поменяли место службы – 25, трижды – 10, четыре раза – 5, пять раз – 2 и шесть раз – 1 человек.

²¹ Лишь в 1827 г. были установлены правила, согласно которым лица, не достигшие 14-летнего возраста, не могли становиться чиновниками, а действительная служба исчислялась с 16 лет (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. Т. 3. Ч. 3. СПб., 1842. С. 5).

²² Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42. 2020. № 2. С. 62.

²³ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1798 г., д. 52, л. 45.

²⁴ Там же, 1799 г., д. 57, л. 56.

²⁵ *Nepomnyzhchy A.A., Kravchuk A.S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы. 2018. Т. 47. № 1. С. 103–104.*

Особенностью Таврической обл. следует признать невысокий процент армейских и флотских чинов, перешедших на гражданскую службу. Таковых было всего 32 человека (20,8%). Для Российской империи, где армия традиционно являлась ключевым источником пополнения бюрократического аппарата, данный показатель кажется незначительным, особенно если учесть острый кадровый дефицит в регионе и то, что кн. Потёмкин стоял во главе как армии, так и местной администрации. Видимо, сказывалась опасность, исходившая от Османской империи, да и пополнять штаты приходилось не только в Крыму, но и во всём Новороссийском крае²⁶.

Среди офицеров, надевших гражданский мундир в Таврической обл., оказалось немало греков. Почти каждый третий чиновник греческого происхождения ранее служил в армии или флоте. Российские власти, заинтересованные в переселении в недавно завоёванный край единоверцев, активно привлекали туда тех, кто сумел проявить себя в ходе военных кампаний. Так, заседатель первого департамента верхнего земского суда титулярный советник Д.Ф. Волков, несмотря на русскую фамилию, являлся, согласно формулярному списку, выходцем «из греческого дворянства». Свою карьеру он начал в 1764 г. «полковым старшиною» в Войске Запорожском. В 1769 г. его послали к крымскому хану «по комиссии со стороны бывшего Войска Запорожского», доверив тайную миссию «для примечания чинимых тогда к войне приготовлений». Однако Волкова вскоре раскрыли и взяли в плен. Освобождённый в 1771 г. вступившими в Крым войсками Ф.Ф. Щербатова, он «потреблен был в разные времена по знанию турецкого языка для разведывания татарских обращений и намерений по 1773 г.» и вплоть до завершения войны находился при армии кн. Ю.В. Долгорукова. После ликвидации Сечи в 1775 г. Волков получил чин прапорщика, но затем перешёл на статскую службу, и с 1779 г. «был употребляем начальством по разным комиссиям» в Таврической обл. В 1784 г. его произвели в титулярные советники, а в 1788 г. назначили смотрителем евпаторийских соляных озёр. Там он прослужил до 1792 г., когда дворянство избрало его заседателем²⁷.

Не менее насыщенной событиями оказалась жизнь И.Д. Хартулярия. В 1770 г. он при участии гр. А.Г. Орлова поступил на флот, с 1779 г. состоял прапорщиком в Вологодском пехотном, а с 1783 г. — в Екатеринославском гренадерском полку, в 1787 г. получил звание капитана. Хартулярий участвовал в присоединении Крыма, а позднее — во взятии Очакова и Бендер. Полученные ранения не позволили ему продолжить службу, и в 1790 г. он был «отставлен по болезни с награждением секунд-майором»²⁸, но уже в 1793 г. вступил в должность евпаторийского земского судьи, а в 1794 г. занял пост заседателя второго департамента Таврического земского суда.

Среди бывших военных славянского происхождения, пополнивших ряды бюрократии Таврической обл., большинство являлись ветеранами боевых действий второй половины XVIII в. и непосредственными участниками присоединения Крыма к России²⁹. Государство поощряло их пожалованием «пустопорожных» земель на полуострове³⁰. Владеть ими могли только дворяне, которых в регионе служило 94 человека. При этом, согласно формулярным спискам,

²⁶ История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2017. С. 167–168.

²⁷ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 6, л. 169–172.

²⁸ Там же, л. 193–197.

²⁹ Там же, д. 61, л. 1–6.

³⁰ *Лашков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 98–113.

землевладельцами были лишь 15 человек (включая 9 представителей крымско-татарской знати).

Судить об образовании, полученном таврическими чиновниками, весьма затруднительно, поскольку в XVIII в. соответствующие сведения включались в формуляр крайне редко. Среди чиновников области выделялся поручик правителя — известный учёный-энциклопедист К.И. Габлиц, окончивший гимназию при Московском университете, где затем числился студентом медицинского факультета. В 1776 г. он стал членом-корреспондентом Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Из Харьковского коллегіума вышли надсмотрщик крепостных дел в палате гражданского суда губернский регистратор И.М. Григорьев, протоколист палаты гражданского суда коллежский регистратор А.О. Попов и советник соляных дел подполковник А.С. Таранов-Белозёров³¹. Сохранились также обрывочные данные о том, что заседатель второго департамента Таврического земского суда секунд-майор Хартулярий «поступил в 1770 г. в учреждённую в Италии в городе Пизе графом Алексеем Григорьевичем Орловым гимназию»³², а советник Таврической палаты гражданского суда секунд-майор Е.Д. Палатино «вступил при артиллерийском шляхетском кадетском корпусе [в] греческую гимназию в 1775 г., в коей обучался разным наукам, из коей выпущен в 1779 г.»³³.

В формулярный список вносилась и информация о том, состоял ли служащий «под судом». Однако скрыть её было несложно, так как она записывалась со слов самого чиновника, а документально подтверждать требовалось только наличие чина и сословное происхождение. Неудивительно, что компрометирующие отметки делались буквально в единичных случаях. Так, протоколист приказа общественного призрения губернский секретарь Д. Карев привлекался к ответственности «за кражу 25 вёдер горячего вина»³⁴, а председатель второго департамента Таврического областного магистрата титулярный советник Н.Т. Продма «был под следствием за бой мещанина Виноградова, умершего через несколько дней»³⁵, но остался оправдан.

Так или иначе, несмотря на широкомасштабную преобразовательную деятельность кн. Потёмкина, развитие Таврической области не было стремительным. Непосредственная реализация идей, задуманных князем, возлагалась на малочисленное, многонациональное и недостаточно квалифицированное чиновничество, которое к тому же нередко оказывалось на грани выживания, получая мизерное денежное вознаграждение, в непривычных и тяжёлых условиях жизни. Это неминуемо вело к злоупотреблениям, проявившимся, в частности, в ходе разраставшихся земельных тяжб на полуострове в конце XVIII — начале XIX в. Отсутствие сдерживающего влияния дворянского сословия привело к тому, что чиновники активно включились в перераспределение свободного земельного фонда. Значительная часть служащих Таврической обл. имела законное право на владение землёй, и многие пытались воспользоваться благоприятной ситуацией. Тем не менее свою главную задачу местная бюрократия выполнила, постепенно стабилизировав обстановку и предотвратив крупные мятежи, чем способствовала закреплению области в составе Российской империи.

³¹ ГА РК, ф. 801, оп. 1, д. 23, л. 9.

³² Там же, ф. 799, оп. 1, д. 6, л. 191–197.

³³ Там же, л. 29–30.

³⁴ Там же, л. 21–22.

³⁵ Там же, л. 135–136.